

Н.А.Кащей

ВОЛЯ К ВЛАСТИ КАК РИТОРИЧЕСКОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

This article is dedicated to the sophistical rhetoric. The author analyses potential of the sophistry within the bounds of the new argumentation's theory.

Неориторика — ницшеанство — неософистика

В нашу задачу входит проанализировать основные черты одного из новейших подходов к исследованию отношений между риторикой и политикой, который сложился в последние десятилетия XX в., его цель — обеспечить эффективный обмен мнениями всех участников политического дискурса. Предметом рассмотрения выступает новая теория аргументации, которую иногда вслед за Х.Перельманом называют «неориторикой» и методологический багаж которой был использован такими немецкими философами, как Ё.Коппершмидт и П.Птассек, для анализа информационно-коммуникативной реальности в сфере политики. Речь пойдет не столько об оправдании софистики как исторически сложившейся концепции, сколько об иллюстрации на ее материале «неориторических» принципов и тех возможных перспектив, которые здесь открываются.

Очевидно, что софистика не только историческая концепция, но и явление, которое приобретает новую популярность. Эти, может быть, еще не очень заметные в философии чаяния связаны не только с традиционной системой идеализма, но и с аналитическими установками новейших философов, утверждающих языком Перельмана, что «вся великая традиция западной метафизики, прославленная именами Платона, Декарта и Канта, неизменно противопоставляет поиск истины, этот декларируемый предмет философии, технике риториков и софистов, довольствовавшихся признанием мнений столь разных, сколь обманчивых» [1]. Неориторика как «жизнь действенная» выступает против философии как «жизни созерцательной», такая перельмановская позиция, несомненно, представляет посягательство риторического на философское. «Если философия позволяет прояснять и уточнять основные понятия риторики и диалектики, то перспектива, создаваемая риторикой, дает возможность лучше понять замысел самой философии, определяя ее сообразно рациональности, выходящей за границы идеи истины, притом, что обращение к разуму понимается как дискурс, адресованный универсальной аудитории» [2]. Отсюда явствует, что весь арсенал технических средств риторики и диалектики подчиняется целям этой риторической универсальности, которая одна способна, совершенно по-хабермасовски, распространить рационально-философское на всю область разумного [3].

Несомненно, софистика является привлекательным и в определенной мере современным образом мышления в силу имманентно присущей ей контекстуальности и прагматичности, и поэтому была оправдана самой потребностью практики намного раньше платоновской критики. Анализ в свете современной «неориторической» теории аргументации полемики между Платоном и софистами как антагонистами общественно-необходимой политической риторики позволит, как нам представляется, не только по-новому взглянуть на некоторые положения софистической риторики, но и уточнить особые механизмы риторической инструментализации политического процесса. Более того, возвращение к давнему историко-философскому спору с позиций новой теории аргументации имеет значение и для творческого развития самой философии.

Это не значит, что необходимо заново переписывать историю философии. Но если софистика в современном контексте приобретает новое звучание и расширяет историко-философский горизонт, то почему бы ни пересмотреть значение софистики. Фактически софистика имеет свои заслуги на поле политической риторики и не только при разрешении

обыденных житейских проблем. Для более полного понимания ее заслуг и области применения, прежде всего, необходимо рассмотреть связь риторики и политической практики с категорией мнения. Это главный узел политического самоутверждения, которого софисты успешно добивались не столько в политических дебатах, сколько в процессе обучения риторики.

Ницшеанская характеристика софистики, согласно которой софистическая риторика принципиально исходит из того, что не вещи, а «мнения о вещах» объясняют первооснову мира, получает новое звучание. Если больше не вещи, а «мнение о вещах» есть первооснова мира, тогда действует софистический принцип: что в этимологической перспективе предосудительно, то в политическом отношении правомочно. Категория правдоподобия становится действенной силой риторики, благодаря которой убеждение-убежденность достигает действия, поступка, т.е. релевантной величиной в политическом процессе нахождения решения выступает господствующее мнение, для выработки которого вещи подлежат толкованию. Итак, в политике есть мнение, оценки проблем и суждения общественности о собственном фактах. Ницшеанский диктум, что эти мнения «находятся в руках раторов» [4], является самоочевидным положением софистики. В современной терминологии это выражается понятием *манипуляция мнениями*. В политике в силу ее открытости не существует предела: риторическая власть ограничивается только риторически, власть мнения нарушается противоположным мнением. Впервые софистика приобретает перспективу стать неософистикой, что требует в свете неориторической аргументации рассмотреть ее основные понятия и принципы.

Риторическое руководство

В процессе риторизации политической практики речь выступает не только в роле декоративного элемента политической деятельности, но и является необходимым средством коммуникации. На это указывает триединый принцип софистической риторики: красиво говори, хорошо обдумывай, правильно действуй. Правда, этот принцип не всегда верно истолковывается. Красноречие, считается, должно приводить к успешной деятельности. Действие проявляется в том, чтобы были взвешены все обстоятельства, это масштаб речи. Действие и речь в политизированном полисе едины.

Обучение успешному «речи-действию» по общественным и частным делам и составляет очевидную цель софистического риторического обучения, основной задачей которого является благополучное советывание. От успеха последнего и зависит течение жизни всего полиса. Другими словами: софисты преподают, не более и не менее, как уроки политической добродетели. Как известно, эта главная тема платоновского диалога «Протагор». Даже сомнение в возможности воспитания добродетели изначально подрывает основоположения софистики, делает бессмысленными вообще любые попытки влиять на практику.

Софистическое резюме заключается в следующем: если благодаря логосу в совместном политическом советывании формулируется представление о справедливости общественных основ, то тогда нет больше различия между политическим дилетантизмом и профессионализмом, и нельзя осмысленно говорить в этой связи о понятии компетентности. Из чего следует, что софисты не могут, по существу, ни знать, ни передавать, что есть справедливость. Достаточно, если известно, как искусно, умело возделывается данное понятийное пространство, как в нем справляются с существующими морально-правовыми проблемами. Кардинальные вопросы всех платоновских диалогов: как должно жить, что можно знать, что есть собственно справедливость — в софистической перспективе имеют только академический характер. Вопрос о справедливости, который воспринимается путешествующими по разным полисам софистами с квазиэтнических позиций, уже имеет в любом конкретном полисе соответствующий ответ. Они формируют, едва ли приемлемое для своего времени, движение по переходу на метаполитическое представление о справедливости.

Сопоставление ораторов поясняет, что здесь софистам мерещится: как речь естественно совершенствуется благодаря упражнению, так же обучаются благодаря упражнению

ям и добродетели. Речь идет не более как о качественном превосходстве в общении, о предвосхищении во мнении конкретной ситуации. Для политического самоутверждения более ничего и не требуется. Кто в ситуации, требующей разрешения, выдвигает ясное положение, тот существенно определяет политическое решение.

Зеркало доксы

Чтобы мнение, как категория риторики, не оставалось чистой формой, Горгий в центральном экскурсе своего знаменитого панегирика «Елене» формулирует софистический тезис о единстве мнения и деятельности. Теперь власть риторического логоса обосновывается этой ориентационной функцией мнения-действия, которое должно оправдывать себя всегда во всем комплексе практики. Такого рода деятельность охватывает все временные измерения. «Если бы все не обладали памятью о делах прошедших и предвидением о делах настоящих и будущих, речь, даже оставаясь тою же самою, не обманывала бы нас одним и тем же образом. Но в действительности нет верного способа ни вспомнить прошедшее, ни изучить настоящее, ни догадаться о будущем» [5].

Мнение обманчиво и ненадежно. Если не имеется в деятельности ориентиров, то должно и можно их обнаружить в зеркале коллективного мнения. Континуальная деятельность, имеющая конкретные непосредственные интересы, предполагает, что «здесь и сейчас» может стать трансцендентным в преследовании долгосрочной цели. Курсирующее мнение создает надежный в этом отношении резерв, придающий целостность ориентации и достаточно гибкий, чтобы «прильнуть» к меняющимся обстоятельствам.

Деятельность, протекающая под неустанным светом доксы, проясняет еще одну принципиальную проблему: проблему конкурирующих точек зрения. Речь идет о претензиях отличающихся точек зрения на присвоение ситуации, которая складывается в ходе общественно-политической практики. Это становится вирулентным, особенно в тех случаях, когда предстоящее решение касается всех. Участники обмена мнений должны настаивать на том, чтобы собственно свои позиции пока не обозначались. Кто в подобной ситуации настаивает лишь на своей точке зрения, тот неубедителен. Это положение является основополагающим принципом софистического обучения.

Речь как инструмент власти

Софистика, как она изображалась до сих пор, прежде всего по отношению к позиции Протагора, представлялась в какой-то мере как ретроспекция противоречия между Платоном и софистами. Хотя уже здесь можно обнаружить истоки последующих расхождений между концепциями риторики Платона и Аристотеля. Правда, Аристотель платоновскую критику софистов не игнорирует, а, наоборот, поддерживает. Речь идет здесь о фундаментальном расхождении между имплицитно продемонстрированным в доксе руководством деятельностью и эксплицитно распоряжающимся мнением. Именно поэтому успех софистического учебного процесса основывается на осознании того, что практика не имеет внешних критериев, ориентирующих деятельность, и именно поэтому софистика впервые прибегает к имманентным критериям обмена мнениями. Если ей это удастся, то нужно подвергать сомнению не саму динамику обмена мнениями, а риторический прием в его перспективе. Согласно Горгию, устремляющийся на доксу логос вынуждает постоянно верить словам и соглашаться с делами. Это положение важно тем, что ставит вопрос о происхождении такой риторической власти, которая «логосом согласия сама устранена от инструментализированных принципов согласия» [6].

Искусство речи, воспринимаемое как тайная наука господства риторического знания, обесценивает практическую значимость принципа согласия. Риторическая категория доверия в этой связи не может более претендовать на статус инстанции, ориентирующей деятельность.

Итак, если диалог «Горгий» освещает последствия монологических установок софистики, то экскурс о сущности логоса в «Похвале Елене» эксплицирует это непосредственным

образом. Квинтэссенцией концепции логоса здесь является представление, что на практику может повлиять некая «специальная» позиция, без которой практика не может быть действенной. Об этом Горгий говорит в заключении, из которого следует, что речь для софиста является игрой: «Я хотел сочинить речь, которая для Елены была бы похвалой, а для меня самого — игрой» [7]. При этом играющий прямо подчеркивает доверие к власти собственной риторики, которая может одержать верх над господствующим мнением, не спутываясь с ним. Интерпретация происходящего — вот что хочет закрепить Горгий с обратной стороны господствующего мнения. На эту установку софистики и отвечает платоновский диалог как противоположный риторический принцип. Обозначенное различие декламируемых точек зрения не только важно для понимания диалога и его содержания, но и тем, что указывает на их экзистенциальный характер для ее участников.

Пропась между ритором и аудиторией

Располагая логосом, софист претендует на монополию в истолковании положения дел в практике. Он может представления, события, действия, решения определять как угодно и даже благодаря логосу генерировать мир искусства. Проявляющаяся здесь фикция унитарной власти не может опираться на совместную деятельность, а выражает практическую дистанцию между ритором и аудиторией. Ритор дистанцируется от аудитории, которая под опекой всевластного логоса лишена всех вариантов деятельности. Софистика эту ситуацию рассматривает как выражение полной власти ритора, при этом она смотрит сквозь пальцы на то, что такая власть не дарит ей новых вариантов деятельности. Теперь ее деятельность диктуется необходимостью канализировать коллективную деятельность и на такую продолжительность, чтобы распорядительная власть ритора сохранялась над ней максимально долго. Если Сократ в «Горгии» говорит о том, что власть должна быть благом и, следовательно, софист в действительности не распоряжается ею, то он этим не отрицает факта, что последняя находится под влиянием риторического логоса. Сократ в большей мере указывает на то, что софист в концентрации на логосе как инструменте фиксирует его как средство, в то время как Горгий рассматривает средство как цель.

Софистическое всезнайство

Возникающие здесь коллизии отношений средств и целей необходимо уяснить, если риторика претендует стать супертехникой. Речь идет о так называемой программе всезнайства, которая позднее Цицероном и гуманистами истолковывается как идеал универсального риторического образования. Однако в то время как последние характеризуют всеобъемлющее знание как условие истинного красноречия и как его масштаб, в котором измеряется вся риторика, софистический ΔΙΣΣΟΙ ΛΟΓΟΙ этого знания благодаря своей технике готов реализоваться полностью. Кто им располагает, владеет всем знанием [8]. Это требование в полной мере не может быть выполнено содержательным взаимосвязанным знанием. Выраженная здесь самонадеянность неизбежно выливается в чистую игру слов, которая только еще пытается в своей формально речевой стратегии совместно с мнением приобрести черты компетентной речи.

Эта внешность компетенции выражается в том, что софистическая риторика упорно настаивает на мнении как таковом, и поэтому как программа не возвышается над уровнем доксы, а является голой формой, которой, в конце концов, и довольствовалась софистика. Утверждение о возможности любой манипуляции мнениями посредством риторического логоса не может служить упреком в адрес софистики в силу его неосуществимости, тем самым, необходимо признать, оно не годится для фундамента политической риторики. Предложения, мнения, имеющиеся в распоряжении любого участника дискурса, не должны быть недооценены, более того, нужно решительно отказаться от равенства собственного мнения с мнениями других в объяснении вещей и даже собственной позиции. Как только это последует, софистике, которая в своей центральной предпосылке направлена на интерпретацию практической конъюнктуры посредством мнения, вообще нет надобности пре-

тендовать на импликацию обозначенного подхода, поскольку она считает, что может подняться над медиумом, ориентирующим всякий обмен мнений, чтобы этим иметь какое угодно влияние.

Бездоказательная компетенция

Выраженное здесь явное противоречие объясняется тем, что софистика оперирует двумя исключаящими друг друга предположениями, которые если и не смешиваются сознательно, то, по меньшей мере, употребляются в непродуманной последовательности. Речь идет о не злоупотреблении мнением в процессе практической шлифовки коллективных убеждений, с одной стороны, и о соответствии мнения изображаемой картине, с другой. Если софистика хочет в последующем добиваться непосредственного права представлять собственную позицию, то должна разрешить возникшее противоречие. Оно вытекает, со всей очевидностью, из протагоровского постулата «человек есть мера всех вещей». Концепция истины, покоящаяся на эпистемологическом положении о непогрешимости человеческого понимания, возвышает субъективную точку зрения, оставляя ее вне коррекции. Непримиримая борьба мнений как необходимое следствие этого положения блокируется необходимостью коллективной деятельности.

Дистинкция блага в модусе мнения и действительной пользы показывает систематическую слабость софистических понятий риторики и их отсюда вытекающую сомнительную пригодность для коррекции непродуманного конкретного мнения, а вне этой коррекции софистика не может твердо формировать свои положения.

Основательность софистической программы начинает таять, как только предпринимаются попытки обосновать ее теоретический фундамент. Его болезнь заключается в том, что софистика не предлагает замены воображению (фантазии) в контексте действия. Поэтому объяснение софистических положений в сфере конвенционализма является актуальной задачей.

Νομος и Φυσις

Благодаря концепту физического в его диспозиции к номическому, как диспозиции непреднамеренной устойчивости по отношению к непреднамеренной произвольной воспроизводимости, риторика ускоряет инструментализацию логоса, упраздняет его политический характер и способствует стабильности в практическом отношении. Сверх того этот концепт в рамках инкриминированной конвенции номологического вида как самопротиворечив, так и анахроничен. Понятие логоса, как его формулирует Горгий в постулате о свободе мнений, возводится Калликом в абсолюту: ритор обособляет все формы власти, для которой и благодаря которой софистическая риторика чистая случайность, тем самым с самого начала любая интенция ратора обнаруживает связь этоса и риторики.

Понятийное пространство, которое открывается понятием «сильнейший», разумеется, не является больше политическим и не подлежит при этом случайному описанию, позднее приобретает у Т.Гоббса черты естественного надгосударственного образования. Правда, в гоббсовском естественном состоянии эксклюзивное право «сильнейшего» представляет большинство, а отсюда и по-иному трактуется условие вступления в состояние государственности: деятельность будет очень нестабильной, если позволить ее трактовать бесконтрольно и самостоятельно конкретному субъекту естественного права. Калликл не замечает апорий, игнорирует их во имя естественного права. Аккумуляция средств как самоцель занимает место целей деятельности, остается формальной и тем самым не ориентирует деятельность. Политическое взаимодействие не может основываться на таком базисе.

Политическая нестабильность софистической концепции практики вытекает из произвольной возможности располагать деятельно-релевантным мнением и законом (νομος) и представляет собой две одинаково безнадежные стратегии, позаимствованные из опыта изменения политического порядка. Обжалование природной организации практики приводит к апории, потому что оно требует риторической рефлексии относительно ориентиров дея-

тельности полиса, а с другой стороны, необходимо риторизировать политику в виде законов, суда и пр. На необходимости защитить риторизацию политики покоится указанное положение двойной стратегии. Олицетворяет эту защиту фигура Анита в платоновском «Меноне». Именно вопреки тезису о свободе номического Анит выдвигает догматическое положение о номическом как совершенной неизменчивости.

Поэтому софистические интенции, характеризующиеся как «неистовство» (μανία) [9], направлены не только против обозначенного анитовского догматизма, но и против всех попыток изменить политический ландшафт и принципиальные правовые основы полиса. Изгнание софистов из городов — самоочевидный вывод, который вытекает из сократовских вопросов Аниту, является мнимой самоочевидностью, поскольку означает также изгнание познания политического уклада. Эти попытки лишают воиос мнения и едва ли способствуют искомой стабильности в практическом отношении. Физическая концепция выступает кульминационным пунктом софистики, посредством которого софистическая риторика пытается сохранить не только свои собственные основоположения, но и делает догматическим воиос, тем самым как бы происходит «короткое замыкание» в процессе риторизации практики, которая оказывается в противоречии с собственным этосом. Положение о том, что можно убедить аудиторию в чем угодно, является в лучшем случае саморекламой. Политический контекст, в котором осуществляется общественный обмен мнениями по вопросам, касающимся всех, не предполагает, что его можно монополизировать. Защита софистов по отношению к Платону в современной риторике является, в конце концов, бесполезной, потому что риторическое покорение политической практики и философская рефлексия по поводу противоположных софистических заверений относятся к различным сферам, которые, вероятнее всего, будут постоянно присутствовать рядом друг с другом. Заслуга софистики в развитии политической риторики остается непререкаемой, и свои границы она установила себе сама.

-
1. Кассен Б. Эффект софистики. СПб, 2000. С.178.
 2. Там же. С.179.
 3. См.: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt, 1990. S.227.
 4. Nietzsche F. Rhetorik-Vorlesung. In: Großoktav-Ausg. Bd. XVIII. Leipzig, 1912. S.85.
 5. См.: Gorgias von Leontinoi. Reden, Fragmente und Testimonien. Hamburg: Hg. v. Th. Buchheim, 1989. Fragm. XI.
 6. Ptasek P. Rhetorische Rationalität. München, 1993. S.11.
 7. Gorgias von Leontinoi. Op. cit. Fragm. XI, 21.
 8. См.: Kopperschmidt J. Methodik der Argumentationsanalyse. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1989. S.89.
 9. Платон. Собр.соч.: В 4 т. Т.1. М., 1990. С.92.